

work of art gains a romantic motif of Soplitsa escape from reality in the world of memories. In its chronotope the memories of a narrator relate Rzeczpospolita of XVII–XVIII centuries and have the aim of gentry apology. The following dromonic motives concern on particular characters and plots, sometimes the narrator, associated with the motif of sin, moral decline, conscience and atonement. The conceptual motif of the escape from the reality echoes of plotmaking ones – escape from punishment and conviction. Pilgrimage to H. Rzewuski is not a unidirectional journey like in the traditional pilgrims prose, but always includes the return (happy or unhappy). This approach to representation of peregrination is interpreted intentionally: the road to the holy places is the way that the gentry's characters overcome for atonement and the return road is represented like a God's answer. The folklore motif of a hero on a crossroads based on an immanent consequences of choice: right and wrong from which the result of travel will depend on.

Key words: Henryk Rzewuski, “The Memories of great gentry Severyn Soplitsa, a parnavsky partial”, romanticism, polish literature of the right bank Ukraine, memoirs, a gentry, dromonic motives.

Стаття надійшла до редколегії
27.03.2014 р.

УДК 821.161.1

Инна Киричѣк

Диалогизм как категория хронотопа в романе Евгения Гришковца «Рубашка»

В статье рассматривается специфика диалогизма как категории хронотопа в романе Евгения Гришковца «Рубашка». Раскрывается авторский подход к проблематике на основе классической концепции М. М. Бахтина. Хронотоп анализируется как репрезентация трёх универсалий: человека, времени и пространства, а диалогизм исследуется через призму авторского «потока сознания». Комплексное рассмотрение данных категорий интерпретирует психологизм романа в современной литературе. Сущность диалогизма романов Е. Гришковца усматривается в сопоставлении пространственно-временного континуума. Уделяется внимание сюжетной линии, которая становится местом пересечения нескольких хронотопов и отражает авторское видение проблематики. Делается вывод о том, что произведения Е. Гришковца воплощают фрагментируемый хронотоп, который не разрушает пространство и время, а основывается на субъективизме и авторском потоке сознания.

Ключевые слова: хронотоп, диалогизм, время, пространство, «поток сознания».

Постановка научной проблемы и её значение. Изучение сюжета и композиции литературного произведения, выделение основных тем и идей произведения непременно связано с элементами анализа хронотопа, который является репрезентацией трёх универсалий каждого прозаического произведения: человека, времени и пространства. Хронотоп – это ядро, которое держит в целостности все произведение и дает возможность исследовать взаимосвязь художественного романа с фактами реальной жизни. На хронотопном уровне текста можно проследить развертывание сюжета, формирование характеров героев, выявить авторскую модальность, эмотивный уровень, концепт произведения, поэтому анализ временно-пространственной организации отдельного романа приобретает особую актуальность.

Хронотоп может проявлять себя по-разному, но целесообразнее рассматривать хронотопный комплекс, потому что отдельные его составляющие – хронос и топос – теряют свой знаковый смысл, а в комплексе – это человек, цель и путь к собственной цели. Каждый элемент этого комплекса имеет свои особенности проявления, способы актуализации и функции, которые дают возможность условно-абстрактно выделить его и проанализировать.

Анализ исследований данной проблемы. В одном из положений своей теории М. М. Бахтин утверждал, что диалогизм проявляется не только в диалогах персонажей, но и проникает во все структуры произведения: «Действительно, существенная диалогичность... вовсе не исчерпывается теми внешними, композиционно выраженными диалогами, которые ведут герои. Полифонический роман весь сплошь диалогичен. Между всеми элементами романной структуры существуют диалогич-

ческие отношения, то есть они контрапунктически противопоставлены. Ведь диалогические отношения – явление гораздо более широкое, чем отношения между репликами композиционно выраженного диалога, это – почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение» [1, с. 56]. Данное утверждение касается также временных и пространственных структур произведения, объединенных хронотопом. «В литературно-художественном хронотопе, – писал Бахтин, – имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время (ведущее начало) здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [2, с. 235].

Взаимодействие хронотопов отличается по форме. Как отмечал М. М. Бахтин, «в пределах одного произведения можно наблюдать множество хронотопов и сложные взаимоотношения между ними, причем один из них является объемлющим, или доминантным. Хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях, общий характер которых является диалогическим» [2, с. 401].

Цель и задачи статьи. Сложные диалогические взаимоотношения хронотопов, которые наблюдаются в романе Евгения Гришковца «Рубашка», обуславливают цель нашей статьи – определить диалогическую функцию их взаимодействия в данном романе через призму пограничности сознания автора.

Актуальность разработки проблемы заключается в том, что определение диалогической функции взаимодействия хронотопов в романе современного писателя позволяет более адекватно интерпретировать идейное содержание его произведений. Новизна нашего исследования состоит в том, что диалогизм как категория хронотопа в романах Е. Гришковца рассматривается впервые с точки зрения «потока сознания» автора.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов. Евгений Гришковец не раз заявлял, что не любит Москву, но написал роман «Рубашка» именно о ней. Москва в романе репрезентуется как наиболее законченный, глубокий и интересный образ – безжалостная, самодостаточная, «предел всего» о чем могут мечтать герои. Роман повествует о совсем обычной московской жизни одного архитектора и его друга, приехавшего в гости. Все действие происходит за один день рубашки, надетой поутру, снятой поздно вечером, и не кажется сухой конструкцией, а скорее обнажает притчевую форму. Произведение отличают черты, знакомые по пьесам автора: единство времени, места и действия, эмоциональная свежесть и психологическая тонкость, глубина и сила постижения жизни.

Организация романа позволяет нам говорить о хронотопе – «взаимосвязи временных и пространственных отношений, в дословном переводе – “времяпространство”» [2, с. 245]. Конструкция романа подтверждает слова М. Бахтина о том, что «все временно-пространственные определения в литературе неотделимы от друг от друга» [2, с. 145].

«Автор-создатель свободно движется в своем времени; он может начать свой рассказ с конца, с середины и с любого момента изображаемых событий, не разрушая при этом объективного хода времени в изображенном событии» [2, с. 201], – пишет М. М. Бахтин. Этой концепции придерживается и Е. Гришковец, поэтому хронотоп его романов отражает авторское видение пространственно-временных отношений.

О своём месте в современном искусстве сам автор признается: «Я считаю, что я принадлежу важному направлению российской гуманистической литературы. Это от Бунина, Чехова» [4]. В своем творчестве он ориентируется на классиков, потому что не чувствует себя новатором: «Чтобы стать новатором, нужно выстроить оппозицию с чем-то. У меня не было опыта чего-то старого, отталкиваясь от которого, я делаю что-то новое. Поэтому что то, что я делаю, для меня совершенно естественно» [4]. Однако творческая индивидуальность автора проявляется в использовании повествования в виде особенного внутреннего монолога, названного «потоком сознания», для которого характерна детальная фиксация мелких психологических впечатлений в том ассоциативном порядке, как они возникают в сознании.

Вполне очевидно, что для хронотопа такой формы повествования характерна неопределенность, потому что события, о которых рассуждает герой, невозможно отнести к конкретному определенно-

му времени и пространству. Неопределенность хронотопа потока сознания происходит от свойственной ему «ненаправленности мышления», которую Я. Н. Засурский определяет как «субъективность изложения, которая предполагает и означает отказ от познания объективной реальности» [5, с. 229]. Другими словами, субъективное внимание пересказчика концентрируется только на содержании впечатления, а не на его объективном хронотопе. Такое содержание определяют как «сенсорное впечатление», поскольку оно фрагментарно и ориентировано только на ту часть сознания, которая «дальше всего отодвинута от точки фокуса внимания» [5, с. 227].

Таким образом, можно допустить, что «поток сознания» был разработан как литературный способ постижения сознания человека при неопределенности хронотопа событий. Он хорошо передает состояние человека, который автоматически выполняет повседневные дела, в сознании которого проносятся мириады разрозненных впечатлений, которые не поддаются интенсивному осмыслению, которое требует определенного хронотопа. Повествование в таком случае являет собой своеобразное блуждание по глубинам человеческого сознания, в ходе которого у героя ассоциативно и фрагментарно возникают воспоминания о событиях, что памяты ему только как факты, а время и место не имеют значения.

Текстуальная неопределенность хронотопа выражается быстрым изменением времени и места событий, что не позволяет зафиксировать на них внимание. Так, в мыслях героев романа «Рубашка» постоянно проходят картины прошлого, временные слои пересекаются, наплывают один на другой, в единственном мгновении прошлое защелкивается с нынешним временем.

Мнения критиков о Е. Гришковце расходятся до сих пор: его называют «абсолютным субъективистом», «аскетичным автором», «наивным драматургом» и даже «русским народным Марселем Прустом» [3]. Последнее недалеко от истины, потому что в основе «потока сознания», который автор использует в романе, лежит опыт Марселя Пруста, который первым использовал внутренний монолог как особенную форму рассказа, основанную на быстром изменении воспоминаний, в романе «В поисках утраченного времени». Он подверг детальному исследованию сам механизм воспоминания, при котором хронотоп почти не фиксируется, так как образы прошлого наплывают один на другой, переплавляются, взаимопроникают, разнообразно трансформируются в сознании героев. Процесс воспоминаний героя, вызванных запахом чашки липового чая, Пруст образно представил в виде одной японской игры: «И, как в японской игре, когда в фарфоровую чашку с водою опускают похожие один на другой клочки бумаги и эти клочки расправляются в воде, принимают определенные очертания, окрашиваются, обнаруживают каждый свою особенность, становятся цветами, зданиями, осязаемыми и опознаваемыми существами, все цветы в нашем саду и в парке Свана, кувшинки Вивоны, почтенные жители города, их домики, церковь – весь Комбре и его окрестности, – все, что имеет форму и обладает плотью – город и сады, – выплыло из чашки чая» [7, с. 75].

Неопределенному хронотопу «потока сознания» Е. Гришковец противопоставляет четко определенный хронотоп внешних малозначительных событий, которые происходят в жизни рефлексирующих героев. Роман «Рубашка» – последовательное описание всего, что происходит здесь и сейчас: того, что герои почувствовали именно в эту минуту, мелочи, которым нет места в обычном романе, которые находятся за пределами поля зрения писателя-творца. В тексте произведения можно выявить также и третье единство – единство действия, которое выражается в осмыслении одного главного события произведения. В романе «Рубашка» это неосознанное желание друзей – Саши и Максима – найти свое «Я». Е. Гришковец в рамках одного дня передает прошлое героев, показывает его влияние на нынешнее время, стремится передать в сжатой форме события всей жизни персонажей.

Хронотоп внешних событий выполняет в романе «Рубашка», в первую очередь, важную формальную функцию: прерывая «поток сознания», он структурирует его, придает произведению целостность, когда рефлексирующие герои отвлекаются от своих переживаний на телефонные звонки и окружающую действительность.

Суть диалогизма романов Е. Гришковца можно объяснить так, что в его представлении диалогизм проявляется как своего рода «игра» со временем и пространством, содержание которой, очевидно, заключается в том, чтобы, сопоставляя разные времена и пространства, выявить как характерные свойства, так и общие, универсальные законы существования, осмыслить мир в его единстве. Поэтому, очевидно, следует считать несостоятельным мнение некоторых литературоведов, о кото-

ром упоминают Н. Драгомирецкая и Т. Могилева, что современные писатели разрушает время как объективную категорию, заменяя его субъективным ощущением протяженности событий или вне-временным потоком переживаний: одни писатели стремятся сделать образ «статикой одновременности», другие пытаются размыть и объективное, и субъективное время, третьи строят повествование как хаос временных отрезков в подражание.

Невозможно также согласиться с С. Павлычко, которая резко осудила литературные эксперименты со временем, заявив, что большая часть современных писателей постаралась, каждый по-своему, покалечить время. Одни лишили его прошлого и будущего и свели к чистой интуиции момента; другие превратили его в ограниченную и механическую память. Подобное осуждение неправомерно, потому что объективный ход времени, как и объективно существующее пространство, воспринимается субъективно, а из субъективной точки зрения время может сжиматься и растягиваться, и степень адекватности восприятия пространства при этом также резко отличается.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. У Е. Гришковца, следовательно, нет ни одного разрушения времени и пространства, потому что неопределенный, фрагментируемый хроно-топ его романа, который отбивает субъективное восприятие мира, представленное в потоках сознания, равноправно противопоставленный в диалогической «игре» определенному хронотопу, что представляет объективное воссоздание действительности. В таком противопоставлении символические образы объективно говорят о том, что все люди одинаковы, а субъективный поток сознания утверждает неповторимость индивидуальной личности.

Исследование отмеченной диалогической функции хронотопа в романе Е. Гришковца «Рубашка» пробуждает интерес к дальнейшему изучению специфики его романов.

Источники и литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Сов. писатель, 1963. – 364 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
3. Болотян И. Гришковец: автор, феномен, синдром [Электронный ресурс] / И. Болотян // Литературная Россия. – 2006. – 20 окт. – № 42. – Режим доступа : <http://www.litrossia.ru/article.php?article=829>
4. Гришковец Е. Названия у меня нету [Электронный ресурс] / Е. Гришковец // Коммерсант. – 2000. – 29 марта. – Режим доступа : <http://www.smotr.ru/prensa/grishko02.htm?01>
5. Засурский Я. Н. Литература XX века / Я. Н. Засурский. – М. : МГУ, 1984. – 504 с.
6. Мотылева Т. Л. О времени и пространстве в современном романе / Т. Л. Мотылева // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л. : Наука, 1974. – С. 186–200.
7. Пруст М. По направлению к Свану / М. Пруст. – М. : Худож. лит., 1973. – 464 с.
8. Жлуктенко Н. Ю. Психологический роман XX века / Н. Ю. Жлуктенко. – Киев : Высш. шк., 1988. – 160 с.

Киричок Інна. Діалогізм як категорія хронотопу в романі Євгена Гришковця «Рубашка». У статті розглянуто специфіку діалогізму як категорії хронотопу в романі Євгена Гришковця «Рубашка». Хронотоп проаналізовано як репрезентацію трьох універсальї: людини, часу та простору, а діалогізм досліджено крізь призму авторського потоку свідомості. Комплексний розгляд цих категорій дає можливість інтерпретувати психологізм роману в сучасній літературі.

Ключові слова: хронотоп, діалогізм, час, простір, потік свідомості.

Kirichek Inna. Dialogism as Category of Chronotopos in Yevgeniy Grishkovetz Novel “Rubashka”. The article is devoted to the specifics of dialogism as categories of chronotopos in Yevgeniy Grishkovetz novel “Rubashka”. Author’s approach to perspective on the basis of M. M. Bakhtin’s classical theory is revealed. The chronotopos is analyzed as representation of three universal issues: person, time and space, and the dialogism is investigated through the prism of “author’s consciousness stream”. Complex consideration of these categories interprets novel psychologism in modern literature. The essence of dialogism of novels by Ye. Grishkovetz is seen in comparison of an existential continuum. The attention is put on the plot which becomes a place of the several chronotoposes crossing and reflects author’s vision of a perspective. The conclusion is maid that novels of Ye. Grishkovetz embody fragmented chronotopos which doesn’t destroy space and time, and it is based on the subjectivity and an author’s stream of consciousness.

Key words: chronotopos, dialogism, time, space, “stream of consciousness”.

Статья поступила в редколлегия
10.04.2014 г.